

Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода — эпизод 11 из 19

Давно ли сам неверный Амурат удивлялся вероломству вашему? И вы дерзаете мыслить, что народ великодушный захочет упасть на колена пред вами? Тогда бы Иоанн справедливо укорял нас изменою. Нет! Если угодно небу, то мы падем с мечом в руке пред князем московским: одна кровь течет в жилах наших; русский может покориться русскому, но чужеземцу никогда, никогда!.. Удались немедленно, и если восходящее солнце осветит тебя еще в стенах новгородских, ты будешь выслан с бесчестьем. Так, Марфа любима народом споем, но она велит ему ненавидеть Литву и Польшу... Вот ответ Казимиру! Посол удалился.

На другой день Новгород представил вместе и грозную деятельность воинского стана, и великолепие народного пиршества, данного Марфою в знак ее семейственной радости. Стук оружия раздавался на стогнах. Везде являлись граждане в шлемах и в латах; старцы сидели на не ликой площади и рассказывали о битвах юношам неопытным, которые вокруг их толпились и еще в первый раз видели на себе доспехи блестящие. В то же время бесчисленные столы накрывались вокруг места Вадимова: ударили в колокол, и граждане сели за них; воины клали подле себя оружие и пировали. Рука изобилия подавала яства. Борецкие угощали народ с восточною роскошью. Мирослав и Ксения ходили вокруг столов и просили граждан веселиться. Юный полководец ласково говорил с ними, юная супруга его кланялась им приветливо. В сей день новгородцы составляли одно семейство: Марфа была его матерью. Она садилась за всяким столом, называла граждан своими гостями любезными, служила им, дружески беседовала с ними, хотела казаться равною со всеми и казалась царицею. Громогласные изъявления усердия и радости встречали и провожали ее; когда она говорила, все безмолвствовало; когда молчала, все говорить хотели, чтобы славить и величать посадницу. За первым столом и в первом месте сидел древнейший из новгородских старцев, которого отец помнил еще Александра Невского: внук с седою бородою принес его на пир народный. Марфа подвела к нему новобрачных: он благословил их и сказал: Живите мои лета, но не переживайте славы Новгородской!.. Сама посадница налила ему серебряный кубок вина фряжского: старец выпил его, и томная кровь начала быстрее в нем обращаться. Марфа! говорил он. Я был свидетелем твоего славного рождения на берегу Невы. Храбрый Молинский занемог в стане: войско не хотело сражаться до его выздоровления. Мать твоя спешила к нему из

великого града, и когда мы разили немецких рыцарей когда родитель твой, еще бледный и слабый, мечом своим указывал нам путь к их святому прапору, ты родилась. Первый вопль, твой был для нас гласом победы, но Молинский упал мертвый на тело великого магистра Рудольфа, им сраженного!.. Финский волхв, живший тогда на берегу Иовы, пророчествовал, что судьба твоя будет славна, но... Старец умолк. Марфа не хотела изъяснить любопытства.

Все чиновники вместе с нею и детьми ее служили народу. Гости иностранные украсили Великую площадь разноцветными пирамидами, изобразив на них имена и гербы вольных городов немецких. Вокруг пирамид, в больших корзинах, лежали товары чужеземные: Марфа дарила их народу. Мраморный образ Вадимов был увенчан искусственными лаврами; на щите его вырезал Делинский имя Мирослава: граждане, увидев то, воскликнули от радости, и Марфа с чувствительностью обняла своего друга. Все новгородцы ликовали, не думая о будущем; один Михаил Храбрый не хотел брать участия в народном веселии, сидел в задумчивости подле Вадимовой статуи и в безмолвии острил меч на ее подножии. Пиршество заключилось ввечеру потешными огнями.

Скоро гонец возвратился из Пскова и на лобном месте вручил грамоту Степенному посаднику. Он читал и с печальным видом отдал письмо Марфе... Друзья! сказала она знаменитым гражданам. Псковитяне, как добрые братья, желают Новугороду счастья, так говорят они, только дают нам советы, а не войско, и какие советы? Ожидать всего от Иоанновой милости!.. Изменники! воскликнули все граждане. Недостойные! повторяли гости чужеземные.

Отомстим им! говорил народ. Презрением! ответствовала Марфа, изорвала письмо и на отрывке его написала ко псковитянам: Доброму желанию не верим, советом гнушаемся, а без войска вашего обойтись можем.

Новгород, оставленный союзниками, еще с большею ревностью начал вооружаться. Ежедневно отправлялись гонцы в его области⁹ с повелением высылать войско. Жители берегов Невских, великого озера Ильменя, Онеги, Мологи, Ловати, Шелоны одни за другими являлись в общем стане, в который Мирослав вывел граждан новгородских.